

ТАТЬЯНА АБАЛОВА

*Маскарад  
любви*

УПС

ДРАКОН СЕГОДНЯ  
НЕ ТАНЦУЕТ

Татяна Абалова

**УПС. Дракон сегодня не танцует**

«Автор»

2024

**Абалова Т.**

УПС. Дракон сегодня не танцует / Т. Абалова — «Автор», 2024

Попав в чужой мир, сочти за счастье, если тебе вручат метлу и совок, чтобы заработать на кусок хлеба. А получив случайным образом приглашение на бал-маскарад, который устраивает сам ректор, не жди, что твой обман удастся скрыть. Только чужаки не знают, что ровно в двенадцать все маски снимаются. Упс!

© Абалова Т., 2024

© Автор, 2024

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

# Татьяна Абалова

## УПС. Дракон сегодня не танцует

### Глава 1

Моя история началась с одного замечательного события, о котором я услышала из новостей. Заболоченное озеро, осушенное с целью расширения плодородных земель, неожиданно явило вход в подземелье. Глазам первооткрывателей открылась цепь пещер, которая привела к заброшенному средневековому городу. Кто построил его, определить так и не удалось, но местные власти не растерялись: открыли музей, где воссоздали быт и обычаи живших здесь людей. Знала бы я, чем закончится экскурсия, никогда не сунулась бы сюда.

Я брела по бесконечным коридорам. Бессчетное количество раз заходила в тупиковые ответвления, где разворачивалась и шла назад. Я никак не могла понять, как умудрилась отстать от группы и почему никто до сих пор не заметил моего отсутствия. Наверное, надо было остаться там, где потерялась, но я плохо соображала, поэтому не ведала, что творила.

Я задержалась у странных рисунков на стене, а когда опомнилась, рядом уже никого не было. Поторопившись догнать группу, я запнулась на крутой лестнице и, кубарем скатившись с нее, со всей дури влетела в каменную кладку. Пока я приходила в себя, унимая головокружение и звон в ушах, голос экскурсовода все удалялся, удалялся и удалялся. Теперь на моем лбу зрела шишка величиной с яйцо, на джинсах зияла безобразная дыра, открывающая окровавленное колено, а я шла по подземному коридору хромой уткой. Успокаивало лишь то, что всюду продолжал гореть свет. Правда, где находятся его источники, я определить так и не сумела. Отличное инженерное решение – современные светильники наверняка нарушили бы гармонию места, где всегда использовались лишь факелы.

– Ау, люди! – вновь безуспешно позвала я, запоздало вспомнив о правиле левой руки.

Если ты заблудился в лабиринте, веди по стене левой рукой и однажды обязательно вернешься к его началу. Это «однажды» пугало. Подземный город был так велик, что я рисковала умереть от жажды и голода еще до того, как нашла бы выход. Поэтому, встретив первую и единственную на всем пути дверь, я решила пробиваться к выходу через нее.

Не найдя ни щеколды, ни замочной скважины, я поняла, что дверь была закрыта снаружи. А что закрывается снаружи? Правильно, то, что ведет внутрь. И по всему выходило, что с той стороны свобода, а мне как раз туда и нужно.

Сначала я стучала кулаком, потом пинала здоровой ногой, потом билась плечом, но деревянное полотно, оббитое ржавыми скобами, стояла намертво. Я прислушалась к звукам, но за дверью царил гробовая тишина.

– Боже, зачем я подумала о гробовой тишине? – я, едва не плача, сползла по стенке.

Усталость и отчаяние – самые большие недруги попавшего в безвыходную ситуацию. Хотелось закрыть глаза и забыться вечным сном. Или лучше просто сном, после которого наступило бы пробуждение, и я обнаружила бы себя дома, лежащую в постели и только собирающуюся в музей. Тогда я позвонила бы однокурснице, которую сама же подбила на экскурсию, и сказала бы, что никуда не пойду.

Я сняла с плеча рюкзачок и достала бесполезный в подземелье мобильник. Нас сразу предупредили, что связи не будет, но фотографировать разрешили. Поднесла аппарат к двери, надеясь, что появится антенна, ведь я свято верила, что с той стороны свобода. Я столько раз спускалась и поднималась по лестницам, иногда уводящим далеко вверх или вниз, что не понимала, на какой плоскости нахожусь. Ближе к поверхности или нет.

– Дорогу осилит идущий, – прошептала я и заставила себя подняться. У меня все болело, сознание путалось, хотелось пить, но я знала одно – если сдамся, погибну.

Что толку сидеть у закрытой двери? Может, ее никто и никогда не откроет. Больше со зла, чем из надежды, что мои действия помогут, я ударила почерневшее от времени полотно коленом. И взвыла. Успевшая затянуться на колене рана лопнула, и из нее вновь начала сочиться кровь. Только я, находясь в бреду, могла пнуть дверь ушибленной ногой.

Не знаю, что помогло. Мой нечленораздельный вскрик, слабо напоминающий «Сим-сим», или капельки крови, окропившие старое дерево, но дверь, испустив металлический лязг и повалившую со всех щелей пыль, вдруг стронулась с места.

Нехороший признак. Скрип ржавых петель и каменная пыль – свидетельство того, что этим выходом давно не пользовались. Но тем не менее, вцепившись в тяжелое полотно руками, я помогла ему открыться чуть шире, чтобы заглянуть за дверь. Но я рано радовалась. Выход на свободу перекрывало нечто, напоминающее плотную штору из мешковины. Я осветила фонариком и поняла, что вижу перед собой обратную сторону огромного ковра.

– Ничего себе, очаг папы Карло.

Боясь, что дверь закроется, лишив меня надежды вернуться, я раскорячилась. Руками вцепилась в ковер, а попой уперлась в деревянное полотно, не позволяя тому прийти в движение. Ковер никак не поддавался, чтобы можно было посмотреть, что находится за ним. Я дергала его и тянула, что в итоге привело к катастрофе – огромный гобелен вдруг сорвался и сложился у моих ног гармошкой, припоротив взметнувшейся вверх пылью. Появившийся сквозняк с грохотом захлопнул дверь, которая со всего маха ударила меня по пятой точке, и я ласточкой влетела внутрь помещения.

Еще лежа, я поняла, что попала в какой-то музейный зал, где историки восстановили быт знатного средневекового рыцаря. Каменные стены прикрывали гобелены со сценами охоты, сражений и осады замков. Между ними висели элементы доспехов и оружие. Левую сторону длинного и узкого, как пенал, помещения занимали очаг, шкаф с посудой и крепкий стол с единственным стулом. Его высокая спинка и подлокотники делали его похожим на трон. Правую часть оккупировала кровать с тяжелым балдахином: его опускали на ночь для сохранения тепла.

Я лежала по центру комнаты на шкуре, похожей на ошупь на грубоватый мех белого медведя. Над головой висело деревянное колесо с множеством оплывших свечей. В этом помещении не было нужды в искусственной подсветке: через четыре витражных окна, забранных кованными решетками, проникали солнечные лучи. Свет дробился мозаичными стеклами и оставлял на шкуре цветные пятна.

Я села. Против той двери, в которую я ввалилась, была еще одна. Такая же, как и первая – без замков и засовов. Я быстро поднялась и отряхнулась. Свобода казалась близкой: я слышала за стеной людской гомон. Но ожидания не оправдались. Дверь не поддавалась ни волшебным словам, ни крикам, ни даже прикладыванию окровавленного колена. В отчаянии я постучала в дверь кулаком, потом подсвечником, который нашла на полке, потом сковородой.

Поняв, что меня не слышат, решила позвать на помощь в окно. Но ни одно из четырех я не смогла открыть. Не сразу я решилась долбануть по мозаичному стеклу подсвечником. Меня останавливала цена, которую предъявят в качестве штрафа хранители древних сокровищ. Но солнце катило к закату, мимо проходило все меньше людей, и я решилась. Стекло оказалось на редкость крепким. Позже, когда оно не поддавалось даже чугунной сковороде, я рассмотрела, что его тело пронизывает мелкая металлическая сеть.

Намахавшись и накричавшись, я поняла, что страшно хочу в туалет. Бросив оружие, я закружилась по помещению в поисках емкости. Вспомнив, что в прежние века высокородные вельможи пользовались ночными вазами, нырнула под кровать. Горшка там не нашла, зато заметила в стене за кроватью еще одну дверь. И она была приоткрыта!

– Ну все, ну все... – шептала я себе, чувствуя, как по ногам тянет уличным сквозняком. Не стоило ломиться в закрытые двери, когда специально для дур оставили одну открытую.

Но, увы, я попала в каменный грот, в центре которого плескалось озеро. Неожиданно. Свет на воду падал через огромную дыру в высоком своде. Я видела, как по небу плывут облака. Вот она, свобода! Так близко и так далеко. Ни дойти, ни допрыгнуть.

Плеск воды напомнил, что я искала ночную вазу. Я закусила губу и мелкими шажками, чтобы не опозориться, зашла за ближайший валун. Единственный раз за сегодня я молилась, чтобы никто не открыл чертову дверь и не застал меня за действием, которое оскорбило бы любого работника музея.

С трудом разогнувшись (опять лопнула свежая болячка на колене), я похромала к воде, чтобы помыть руки, а потом в ту часть музейного зала, где находилась кухня. Теперь страшно хотелось пить. Воду, к сожалению, я не нашла, а лакать озерную побоялась, но зато обнаружила прикрытую полотенцем тарелку с добрым куском отварного мяса. Я не поверила себе, сначала понюхала, а потом отрезала кусочек и пожевала. Нет, не пластмасса и не папье-маше. Мясо было настоящим. Правда, холодным, но вполне съедобным. Откуда? Откуда в музее настоящая еда? Значит, сюда рано или поздно придут люди?

Окрыленная открытием, я полезла в посудный шкаф и наткнулась там на графин с вином. Не вода, но все же. Я совсем недавно читала, что рыцари в походных условиях предпочитали пить вино, а не воду, так как боялись заразы и несварения желудка. Попробуй побегай в кусты, когда на тебе тяжелое рыцарское облачение. Тут с лошади на раз слезть не сможешь.

С вином ужин пошел веселей. Я сбегала за подушкой, коих на кровати была целая куча, и подложила ее под попу. Так сидеть было гораздо мягче. Мой зад сегодня настрадался, поэтому я решила его побаловать. Уж больно неудобный оказался стул, да и столешница для меня была высоковата. Я чувствовала себя маленьким ребенком, попавшим в логово великана. А еще говорят, что в древние времена люди были маленького роста. Илья Муромец, к примеру, метр пятьдесят девять. Врут, скорее всего.

Я не нагледла, поэтому съела только половину мяса, вторую накрыла салфеткой. Двухзубую вилку облизала, стакан, не найдя, где его можно помыть, сунула назад в шкаф. Обшарила полку над очагом, но на спички, чтобы зажечь свечу, так и не наткнулась. Поэтому бродила по комнате в потемках, не зная, как скоротать время ожидания. За мясом непременно должны были явиться, иначе оно пропадет.

Усталость и полный желудок требовали принять горизонтальное положение, что я и сделала: растянулась на медвежьей шкуре, положив под голову рюкзачок. Опасаясь, что работник музея (скорее всего, ночной охранник) наступит на меня в темноте, я заранее подвинула шкуру ближе к упавшему со стены гобелену. Так не придавят, и любая из двух открывшихся дверей заставит меня проснуться.

С приходом темноты в музейном зале похолодало. Я закуталась в пуховик и по самый нос натянула вязанную шапочку, которую всегда носила с собой, но все равно мое тело сотрясал озноб.

– Вот-вот придет охранник и выведет из чертового музея. Я вызову машину и больше в этот лабиринт ни ногой, – пообещала я себе, пытаясь унять стук зубов.

## Глава 2

По полу гулял сильный сквозняк, и очень скоро захотелось укрыться чем-то более существенным. Улечься в чужую постель мне не позволяло воспитание, поэтому я не нашла ничего лучшего, как подтянуть шерстяной гобелен и засунуть под его край ноги. Так было гораздо теплее. И музейного работника я не пропущу, и ущерб экспонатам своими действиями не нанесу. Но если никто так и не явится за куском мяса, я до утра околею. Как пить дать. Видели бы меня родители. О том, как они восприняли известие о моем исчезновении, думать не хотелось. Я и так крепилась из последних сил.

За окном выл ветер и что-то противно скрипело. Разыгралась непогода. В неотапливаемом помещении стало еще холоднее, и я уже без стеснения натянула до лба шерстяной гобелен. Немного подышав пылью и теплым воздухом, закрыла глаза. Стоило задремать, как тут же приснилось, что мне светят в лицо фонариком, отчего я не вижу собеседника, но слышу его недовольный голос:

– Кто сидел на моем стуле, подложив под зад подушку?

Я скривилась, вспомнив, что не убрала подушку на место. Неудобно вышло.

– А кто ел мясо, пил вино и не помыл за собой посуду?

Я вздохнула и натянула шапку поглубже, чтобы яркий свет не мешал спать. За посуду даже во сне было стыдно. Уже поняв, что мне снится сказка «Три медведя», а я та самая наглая Машенька, что ела со всех тарелок подряд, сломала стул и попрыгала на кроватях, приготовилась услышать последний вопрос: «Кто лежал на моей кровати и смял ее?», но медведь удивил:

– Да кто же ты такой, демон тебя поберет?

– Я не такой, я такая, – ворчливо поправила я собеседника и перевернулась на другой бок. – Погасите, пожалуйста, фонарик. Спать не даете.

– Какой фонарик? – изумился медведь, но я не ответила. Усталость и нервы взяли свое, и я провалилась в глубокий сон. Тут не до объяснений принципа действия фонарика.

Утром меня разбудили звуки. Звяканье посуды, шкворчание яичницы на сковородке, посвистывание чайника. Потом пришли запахи, которые заставили сесть и открыть глаза. Стянув с головы шапку я, наконец, увидела свет. И застонала, осознав, что со вчерашнего дня ничего не изменилось – я развалилась на шкуре медведя в музейном зале, а в том углу, где очаг, спиной ко мне орудовал кухонной посудой широкоплечий охранник в белой рубашке. Остальную часть его тела прикрывал высокий стол, на котором стояли тарелки и две чашки с вьющимся над ними парком.

– Извини, стул один. Но думаю, ты надолго у меня не удержишься, и второй не понадобится, – произнес мужчина, так и не повернувшись ко мне, но каким-то образом угадав, что я уже проснулась.

Я поднялась, стараясь беречь разбитое колено, на котором за ночь появилась основательная корка, и с удивлением обнаружила, что была укрыта одеялом, а под головой лежала подушка. Та самая, которую я оставила вчера на стуле. Я испуганно поискала глазами свой рюкзачок и нашла его, но не там, где оставила. В нем определенно рылись.

– Иди есть, – позвал охранник, поворачиваясь, наконец, ко мне лицом, но все еще не глядя на меня. В его руках была сковорода, и он аккуратно перекладывал содержимое на тарелки. Я поражено перестала дышать. Охранник был красив. Совершенные пропорции лба, носа и рта – я разбираюсь в гармонии, ходила в художественную студию. Мягкий свет карих глаз, ямочка на подбородке, каштановые чуть длинноватые для современности волосы, но вполне подходящие для реконструкции ушедших веков.

Я поднялась и, подхватив рюкзак, подошла ближе. На незнакомце, помимо белой рубашки, не застегнутой на первые две пуговицы, были надеты светлые штаны, плотно обле-

гающие крепкие мышцы ягодиц и бедер – он как раз повернулся спиной, чтобы достать вилки. Высокие замшевые сапоги довершали образ лихого наездника. Мне так и виделся этот мужчина на белом коне с гордо задранной головой и с царственно поднятой вверх рукой, дающей сигнал начать охоту.

– Вы вовсе не охранник, – произнесла я вслух.

– Откуда такой вывод? – поинтересовался он, переставляя тарелку с моей порцией яичницы на противоположный край стола и жестом приглашая присоединиться. Сам же «не охранник» сел на единственный стул. Очень вежливо. Хотя... я же не гостя, чтобы передо мной расшаркиваться. Хорошо, что решил подкормить, прежде чем выпустить на волю.

– Вы сегодня король или кто-то из знати, – бросив рюкзак под ноги, я сняла куртку и, не найдя, куда ее повесить, завязала рукава вокруг талии. Все мое ношу с собой. Незнакомец спокойно следил за моими действиями и не приступал к еде, хотя уже зажал двузубую вилку в пальцах, ожидая, когда я присоединюсь к трапезе.

Я сказала «к трапезе», так как окружающее меня соответствовало именно этому слову. Удивительно, как все до мелочей продумал музей, чтобы воссоздать прошлые века. Вот приближенный к королю, если не сам король, а вот окружающий его быт. Правда, пришедшие на экскурсию не должны были видеть, как он сам себе жарит яичницу, но и рабочий день еще не начался.

– Вы здорово вжились в роль, – заметила я, засучивая рукава свитера. – Какой взгляд, какое величие! Чувствую себя рядом с вами дворянкой. Я будто вижу настоящего короля. Во всяком случае, вы на него похожи.

– Вы так считаете? – и легкая усмешка на губах. Он мне понравился. Я мило улыбнулась ему в ответ.

При входе в музей нас встречали люди, одетые в костюмы средневековья. Создавая реконструкцию, они позволяли посетителям погрузиться в атмосферу древнего города, а звучащая фоном старинная музыка только добавляла ощущения реальности происходящему. Мы видели крестьян, воинов и даже восседающего в кресле феодала. Скорее всего, работник, в чьи владения я вломилась, как раз и был тем актером, кто демонстрировал пришедшим на экскурсию быт средних веков. Вчера это был феодал, сегодня, как пить дать, музей явит короля. Именно так – столько достоинства было в каждом движении незнакомца. Даже в том, как он повернул голову, чтобы посмотреть на меня. Я успела заметить, как на секунду у него расширились зрачки, когда ему удалось разглядеть меня при свете дня. Я как раз сняла шапку и тряхнула головой, чтобы расправились волосы.

Я понимала, что после блужданий по музею и ночи, проведенной на полу, не являю собой образец красоты, но даже в таком состоянии я не выгляжу дурнушкой. Мне уже двадцать, и прошли школьные времена и комплексы подростка, когда я самой себе казалась некрасивой и неловкой. Выпускной класс, два года в институте, восхищенные взгляды парней, очередь из желающих познакомиться, признания в любви и гуляния под луной, первые неловкие поцелуи и умелые ухаживания – все это уже было, поэтому я знала себе цену.

– Я бы хотела сначала помыть руки, – я стыдливо сжала их в кулаки. После вчерашнего умывания в озере на запястьях остались невидимые ночью разводы. Только грязь размазала.

– Дверь за моей спиной.

Я открыла от удивления рот. Вчера ее точно здесь не было! Или просто не замечала?

Узкая, больше похожая на сворку шкафа, она вела в небольшую комнату, освещенную висящей на крюке лампой. Сразу бросился в глаза огромный ушат – здесь или стирали, или даже купались. Слева от него выпирала круглый бок каменная раковина с краном, снабженным огромной медной ручкой. Над раковиной висело зеркало. За ушатом виднелась еще одна дверь, приоткрытая, и я интуитивно (а скорее, по запаху) почувствовала, что мне туда нужно прежде всего. Никаких валунов у озера, в музее была вполне сносная канализация. Правда, унитаз

опять-таки являл из себя каменный трон с дырой посередине и крышкой, похожей на ту, какой закрывают деревянные бочки, но что я хочу от средних веков?

Повеселев от того, что жизнь сделала качественный шаг вперед – заблудившуюся меня даже решили подкормить, я похромала к умывальнику. По пути подумалось, что стоит спросить у работника музея аптечку. Наверняка здесь держат такую. Мало ли, что может случиться с посетителями? Может, найдется хотя бы зеленка? Или лучше не задерживаться и обработать колено уже дома? Включив воду, сунула под струю руки и только после этого подняла глаза на свое отражение в зеркале.

И вскрикнула от испуга.

Дверь тут же распахнулась. На пороге стоял «король». Он, не найдя во мне ничего странного, непонимающе вскинул бровь.

– Что не так?

– Все так, – обреченно ответила я.

Незнакомец меня уже видел, а потому не стоило закрывать лицо руками. Вчерашний удар о стену не прошел даром. Шишка на лбу за ночь превратилась в огромный, на пол-лица синяк. Глаза заплыли, и никакое умывание не помогло бы мне увидеть мир более ясно. Я думала, что глаза припухли после сна, а оказалось, у меня их нет совсем. Сплошное черное пятно, как уродливая маскарадная маска.

– Тогда идем, пришло время поговорить.

– Угу, – сказала я, закрывая кран и вытирая руки о протянутое полотенце. До лица я боялась дотронуться.

Аппетит начисто пропал, и я отодвинула от себя тарелку. Я стояла напротив сидящего в кресле мужчины, нас разделял только стол, но я чувствовала себя крестьянкой, пришедшей на поклон к вельможе.

– Как ты сюда попала? – тарелка «короля» была уже пуста.

– Я заблудилась. Разве меня вчера не искали? – вполне резонный вопрос. Подруга должна была поднять панику.

– Зачем тебя кому-то искать? – его ответный вопрос ввел меня в ступор.

– Ну я же потерялась, – и для большей убедительности добавила, – я же человек, а не котенок, про которого можно забыть.

– Я вижу, что ты человек, хотя... сейчас больше напоминаешь тролля в период весенних битв за женщину.

– Мне больше нравится сравнивать себя с котенком... – его слова меня обидели. Но он же не видел меня настоящую. Тогда вряд ли захотел бы сравнивать с троллем. Я, скорее, была похожа на темноволосого нежного эльфа. Голубые глаза, белая кожа, тонкая талия, взгляд лани, но крепкая рука. Или плечо? Я потрогала его, вспомнив, как несколько раз саданула им в дверь, пытаюсь ее открыть.

– Прости, но я мало нахожу в тебе кошачьего. Даже походка не та.

– Вы издеваетесь?! – я топнула здоровой ногой, хотя понимала, как мало грации в хромой девице. – Я вчера отстала от группы, блуждала по вашему чертовому городу, едва открыла дверь, спала на полу, а вы, оказывается, даже не спохватились, что у вас пропал человек?

– С людьми вечно что-то не так, – собеседник смерил меня взглядом, словно прикидывал, что делать дальше: отпустить или еще немного покуражиться.

– Можно подумать, вы относитесь к другому виду, – я скрипнула зубами.

– Да, я совсем другой. И тебе лучше не будить во мне зверя.

## Глава 3

Я прикусила язык. Предупреждение «короля» подействовало. Кто знает, что я сейчас нахожусь в этом помещении? Если бы в музее везде были видеокамеры, отследить мой путь не составило бы труда. А раз представителей дирекции и моих родителей здесь до сих пор нет, то я завишу от настроения незнакомца. Поэтому лучше вести себя как можно спокойнее. Поспрашивает и отпустит.

– С какого ты факультета? – не замедлил с вопросом он.

– А причем тут факультет? – я нахмурилась.

– Ты упомянула группу, от которой отстала. Значит, ты учишься в университете.

Я непонимающе хлопнула ресницами.

– А какое отношение имеет университет к тому, что я заблудилась? Вы бы хоть стрелки нарисовали или повесили указатели на стенах, чтобы было видно, в какой стороне находится выход и куда двигаться. Нельзя же так над людьми издеваться!

Мои обвинения ввели «короля» в ступор. Он задумчиво смотрел на меня, не понимая, почему я повысила голос. И правда, чего это я? Он всего лишь актер, который переодевается в средневековые костюмы и играет роль в инсталляции, а все претензии об отсутствии указателей должны быть отнесены организаторам выставки.

Устав от непонятной ситуации, я, вздохнув, попросила:

– Просто покажите пальцем, где выход на улицу, и я больше беспокоить вас не буду.

«Король» ожидаемо указал пальцем на ту дверь, за которой вчера слышались голоса, и я, так и не поев, надела куртку, натянула шапку и, подхватив свой рюкзачок, направилась к двери. Толкнув ее и убедившись, что путь на свободу открыт, я обернулась на так и оставшегося сидеть за столом сотрудника музея. Не хочу быть неблагодарной свиньей.

– Спасибо за кров и заботу, но мне пора домой.

И смело шагнула за порог.

За стенами музея было людно. В основном ходили туда-сюда участники исторической реконструкции, дающей зрителям в полной мере почувствовать себя участниками жизни, кипящей на узких средневековых улочках. На меня оглядывались или показывали пальцем, делая удивленные лица. Видимо, я, одетая в дутую куртку и драные джинсы, да еще припадающая на одну ногу, никак не вписывалась в театральное действие и должна была находиться по другую сторону сцены. Запоздало вспомнив о посиневшем и одутловатом лице, делающем меня похожей на пьяницу, я натянула шапку по самые глаза и бочком-бочком поспешила покинуть музейную территорию.

Но сколько бы я ни шла, средневековая улица не заканчивалась. Она кривилась, выгибалась то в одну сторону, то в другую, разветвлялась на мелкие рукава, но никак не вела к автобусной остановке. Рассудив, что попала на массовые костюмированные гуляния, устраиваемые музеем, я перестала прятаться в тени домов, а пошла напролом, лишь бы быстрее выйти к дороге. Не знала, что кроме подземной части города, существует наземная, о чем вчера никто не заикнулся. Время от времени я поглядывала на телефон, но антенна не появлялась. Видимо, каменные стены экранировали сигнал.

Окончательно заблудившись, я села на ступеньки у двери одного из домов и вытянула уставшие ноги. Кроссовки запылились и выглядели не лучшим образом. Колено ныло, и выглядывающая в прореху рана беспокоила своим ужасным видом. Я горестно вздохнула. Ничего себе, сходила в музей.

Я вздрогнула, когда идущий мимо мужчина вдруг резко замахнулся на меня, но уняла сердце, поняв, что он всего лишь бросил к моим ногам монетку. Потом со звоном упала еще

одна и еще. Медные монеты тускло поблескивали под лучами холодного солнца. Я удивленно уставилась на проходящих мимо людей.

– Эй, что вы делаете? Я не нищая! – крикнула я, обращаясь к мужчине, который только что бросил серебряную монету. Я протянула руку, чтобы ухватить его за полу красивого камзола. – Я вообще не из вашей массовки!

– По тебе заметно, милоч! – сердобольная старушка вытащила из корзинки яблоко и положила в протянутую руку. – Поешь. Заметно, что жизнь тебя побилла. Обувка страшнючая, штаны драные, на голове невесть что. И котомка у тебя какая-то ненашенская, – она показала пальцем на мой рюкзак.

Скажи кто из моих однокурсников, что брендовые кроссовки, за которые я отвалила бешеные деньги, «страшнючие», я бы оскорбилась. Но что возьмешь со старого человека?

– Видать, еще и ночевать негде, раз одеяло носишь с собой?

Это она о моей стеганной куртке? Я хлопнула ресницами, рассматривая яблоко, лежащее на моей ладони, так, словно видела подобный фрукт впервые.

– Скажите, бабушка, куда это я попал? – я не стала разрушать ее самообман и настаивать, что я не милоч, а милочка.

– Божечки! Видать, тебе и мозги повышибали, раз не помнишь, куда занесло! Что и говорить, у нас в Крессаже разбойники, ох, как лютуют. Неместным ночью без крова лучше не оставаться.

– Крессаж? А как называется страна? – я все еще надеялась, что она говорит о местности, названия которой я просто не слышала, но она входит в состав России. Отъехала я от Москвы всего-то на сотню километров.

– У нас, милоч, не страна, а королевство. Эндороль.

– А ваш король живет в конце этой улицы? – я махнула рукой в ту сторону, откуда пришла, надеясь, что все же участвую в массовых гуляниях.

– Зачем королю жить при университете? У него замок в самом центре Крессажа стоит. Мимо такой красоты не пройдешь.

– Какой еще университет? – я едва не плакала. Все вокруг казалось абсурдным. Деньги к ногам так и кидали, и их собралась приличная кучка.

– Упс! – сказала старушка и махнула мне на прощание рукой. Мол, заболталась я с тобой.

– Парень, ты бы деньги собрал и валил отсюда, – сзади мне в спину уперлась открытая дверь. Я оглянулась. Здоровенный мужик вытирал о фартук окровавленный нож. Когда я испуганно поднялась, дверь распахнулась шире, и я увидела, что сзади здоровяка на крюках висят коровьи туши. – У нас за побирушество в тюрьму сажают.

Я сунула яблоко в карман и торопливо собрала монеты. Я не узнавала деньги. Медь и серебро украшали неизвестные мне гербы и лики.

– Скажите, пожалуйста, а на каком языке я говорю, – я готова была поклясться, что слышу русскую речь, поэтому и понимаю ее, но мясник удрученно помотал головой.

– Здорово тебе вдарили, раз не понимаешь, что на эндорольском изъясняешься. Все, паря, ступай. А мне своими делами заниматься пора. Покупатели ждут.

– Подождите! Скажите хоть, где я нахожусь? Отсюда до Москвы далеко? – в отчаянии крикнула я, понимая, что сейчас и этот собеседник уйдет.

Не цепляться же на улице к прохожим. Еще на самом деле сдадут в тюрьму. А в голове зудела мысль, что я подземными ходами пробралась в соседнее государство. Латвию, например. Хотя я понимала, что до Латвии пришлось бы идти не одни сутки, но кто знает, сколько прошло времени, пока я искала выход? Может, я неделю блуждала по коридорам?

– Упс! – ответил мясник и закрыл дверь. С той стороны зло шелкнула металлическая щеколда.

– Oops!.. I did it again, – ошарашенно прошептала я, вешая «котомку» на спину. Мне было чему удивляться: местные жители, даже старушки, активно пользовались заморским возгласом «упс».

Я жалела, что ушла от короля, кем бы он ни был. К тому же гордо отказалась от яичницы, а теперь мой живот урчал и требовал еды. Заработанных попрошайничеством денег хватило на обед в харчевне, на которую я набрела случайно. Она называлась «Поросячий пятак», так как любое блюдо в ней стоило пятак медью. Я посчитала собранные монеты и поняла, что хватит еще на ужин, но никак не на ночлег. Его услужливо предложил мне хозяин харчевни. Он даже провел в ночлежные «хоромы», чтобы показать отличные условия всего лишь за пару серебряков. В помещении, больше напоминающем конюшню, в два ряда лежали соломенные тюфяки. Местное общежитие, предоставляющее койко-место на одну ночь, страшно воняло потом и испражнениями.

– Наверняка тут блох и клопов полно, – проворчала я себе под нос, но хозяин «Пятака» услышал.

– А где их сейчас нет? – он брезгливо посмотрел на меня, словно говоря «тебе ли выпендриваться, паря?».

И тут я поняла, что единственное место, где блох точно не было, я покинула сегодня утром. И там же находится дверь, которая способна вернуть меня назад, в Россию. Пусть я буду плутать по подземелью еще неделю, но существовала надежда, что меня ищут и найдут. Я вернусь домой, где никто не будет считать кроссовки «Balenciaga» уродскими, а пуховик известного дизайнера стеганным одеялом. Родителей хватил бы удар.

Вспомнив про родственников, я тяжело вздохнула. Папа наверняка уже душит директора музея, а мама с командой спасателей прочесывает подземелье. Она у меня бедовая. Отец – это про переговоры, а мама – это про активные действия.

Поняв, что надо вернуться в коморку папы Карло, где за ковром прячется проход в мой мир, я развернулась и пошла назад. И, конечно же, заблудилась. Со всей очевидностью проявилась истина – я счастливая обладательница топографического кретинизма. А самое главное, у меня не было никаких ориентиров, чтобы спросить, как попасть к «королю». Что я знала? Что это одноэтажное строение с четырьмя мозаичными окнами на фасадной стороне? Да я даже не спросила, как зовут хозяина!

К вечеру поднялся холодный ветер. Чтобы согреться и утолить голод, я заглянула в еще одну харчевню. «Поросячий пятак» искать не решилась, боясь вовсе заблудиться и замерзнуть где-нибудь в подворотне. Дрожащими пальцами пересчитала свое богатство и поняла, что из предложенной позднему путнику еды нужно выбирать что-то одно. Одновременно на похлебку и краюху хлеба мне денег не хватало. Решила, что возьму горячее. Как перенесу ночь, даже думать боялась. Надеялась отсидеться здесь, пока не выгонят. Хотя вокруг царил та еще обстановочка. Очаг, над которым висел котел, чадил, и дым серой тучей клубился под потолком. Под ногами путалась грязная солома, а к столешнице прилипали руки. Но собравшиеся поесть люди, в основном мужчины, на антисанитарию внимания не обращали и не требовали вытереть стол, прежде чем на него поставят угощение.

Я шмыгнула носом, прогоняя просящиеся на выход слезы. Еще не хватало разреветься и привлечь к себе ненужное внимание. Я уже не строила иллюзий, что нахожусь в соседнем государстве. Не могло за границей до такой степени повернуться время вспять, чтобы люди обходились без привычных благ, не говоря уже об одежде. Ну не верилось, что на Европу так подействовало резкое удорожание газа, что ее закинуло аж в Средневековье. Я, наконец, осознала, что чудесным образом переместилась в некую параллельную вселенную, все еще переживающую эпоху феодального строя. А дверь, в которую я так настойчиво ломилась – портал между мирами.

## Глава 4

Пока ждала свою похлебку, порылась в рюкзаке и достала телефон. Я специально забралась в дальний угол, чтобы отгородиться хотя бы так от пугающих меня людей. Батарейка еще не села, поэтому я полистала последние фотографии, сделанные еще в музее. По ним я пыталась понять, где сбилась с пути, и встречались ли мне знаки, указывающие на параллельную действительность. В то, что она именно параллельная, я верила хотя бы по тому, что здесь говорили на русском, причем не на старорусском, который я наверняка не поняла бы, а на современном, с применением англицизмов. Как иначе объяснить частое употребление «упс»? Даже соседи за соседним столом несколько раз произнесли его. Я специально не прислушивалась к их речи, но «упс» уловила.

Последний снимок, сделанный перед падением с лестницы, я рассматривала с особым усердием. Стена была заполнена рисунками, похожими на те, что находились в рукописи Войнич – таинственном манускрипте, написанном на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита и состоящем из шести разделов, которым исследователями были даны условные названия: Ботанический, Астрономический, Лекарский и так далее. Нашим ученым до сих пор не удалось расшифровать текст.

Только поэтому я замерла возле стены. Удивительно, что экскурсовод не сказал про рисунки ни слова, хотя здесь были изображены неизвестные науке растения, непонятные приборы и странные взаимодействия людей и животных. В Биологическом разделе множество обнаженных женских тел, вовлеченных в процедуры, которым до сих пор не существует объяснения. Словно рукопись с описанием чужого мира по чистой случайности попала к нам.

Я была заворожена работой неизвестного мастера пятнадцатого века, поэтому поразила совпадению его рисунков с теми, что были изображены на стене подzemелья. На одном из них дева держала отсеченную драконью голову, а рядом валялись оторванные лапы и хвост. Как-то чересчур кровожадно. Хотя наши средние века тоже трудно назвать человечными и милосердными. Одно знаю точно, драконы у нас никогда не водились.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.